

Г. Р А А Б

ВКЛАД ГРАЙФСВАЛЬДА В ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ НЕМЦАМИ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Своей основополагающей работой «Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert»¹ проф. Э. Винтер направил немецких исследователей на разыскание еще и других духовных центров Германии, которые в указанный период приняли участие в развитии изучения России. Несомненно, что Галле со своей всемирной концепцией просветительского пиетизма особенно охотно шел навстречу петровскому стремлению к образованности; однако в других местах иные предпосылки проложили путь к научному изучению феномена России, впервые представшей Западной Европе в новом свете. Так, например, исследования ученика проф. Винтера, Иохима Тетцнера, показали, что «Leipziger neue Zeitungen von gelehrten Sachen» принимали незаурядное участие в развитии Петербургской Академии наук.² Если для Лейпцига, в то время бурно развивавшегося торгового центра, к такому расширению кругозора решающими могли быть побуждения экономического характера, то в маленьком северонемецком университетском городке Грайфсвальде, в котором начиная с петровской эпохи также возник интерес к России, действовали иные причины. Некогда — от средних веков до начала нового времени — сильные экспансионистские стремления Ганзы не могли уже в рассматриваемую эпоху считаться действующим фактором, во всяком случае для Грайфсвальда.³

¹ «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», 1953, № 2.

² См.: «Zeitschrift für Slawistik», 1956, Bd. I, H. 2, стр. 93—120.

³ О книге Иоганна Марпергера «Moskowitzischer Kauffmann» (1705), вышедшей в тогда еще достаточно активном в торговой политике Любеке, с ее наивными начатками изучения России см.: П. Н. Берков. Изуче-

После победы русских над шведами под Полтавой (1709) фронт передвинулся на немецкое (тогда частично принадлежавшее еще Швеции) побережье Балтийского моря. В августе 1712 года Петр I вместе со своими ближайшими сподвижниками прибыл в Грайфсвальд, где затем несколько недель находился его Главный штаб.⁴ По разносторонности и живости своего характера царь во время своего пребывания в Грайфсвальде не только занимался столь первостепенными тогда военными делами, но и проявил, между прочим, интерес к жизни университета (посещение диспута 15 августа 1712 года) и поддерживал переписку с Готтфридом Вильгельмом Лейбницем, важную для последовавшего позднее основания Петербургской Академии.⁵

В своей работе «Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum»⁶ я старался показать, что духовное приближение немецкой Прибалтики к России не должно сводить к одному только факту посещения царем и его свитой Северной Германии и что оно тесно связано с многолетним пребыванием русских солдат в Мекленбурге и Передней Померании. Отзвуки этого далеко не всегда враждебного соприкосновения немецких и русских людей можно проследить на большей части XVIII века. Несомненно, военные события в шведской Передней Померании с ее университетом в Грайфсвальде не располагали к тому, чтоб этот только что завязавшийся контакт использовать для науки. Университетская жизнь в 1712—1717 годах почти замерла. Но после окончания военных действий (1721) это все же состоявшееся сближение принесло плоды, как например в опытах топонимических исследований проф. Альберта Георга фон Швартца или в занятиях русским языком у Ганса Эрнста фон Буггенгагена, который провел в Сибири в качестве военнопленного 12 лет и затем в 1745 году сделал в Грайфсвальде набросок русской грамматики. К тому же перенесение Петром I политического и культурного центра России на балтийское побережье не могло не способствовать стремлениям к изучению России, появившимся в Грайфсвальдском университете.

ние русской литературы иностранцами в XVIII веке. Сб. «Язык и литература», вып. V, 1930, стр. 89 и след.

⁴ Сведения о военнополитической деятельности Петра I в Грайфсвальде даны в кн.: Robert Stupperich. Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, 1934, Bd. VIII, 1934, стр. 392 и след.

⁵ Сводную работу с указанием источников по этому вопросу см.: Ferdinand Liewehr, «Festschrift zur 500-Jahrfeier der Universität Greifswald», 1956, Bd. II, стр. 212—215.

⁶ «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt—Universität Greifswald», Jahrg. V (1955/56), Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, № 4—5, стр. 361.

Непосредственно после заключения Ништадтского мира и еще при жизни Петра I проф. Андреас Вестфаль прочел цикл лекций о «современном устройстве» европейских стран, причем уделил русскому государству особое внимание.⁷ Темы лекций Вестфалья имели актуальный характер.⁸ Ему принадлежит афоризм: «Жить на свете, хотеть о нем рассуждать и притом не знать его — нелепо».⁹

В качестве основного источника для своих курсов проф. Вестфаль использовал «Еженедельные известия» (впоследствии он прочел отдельную лекцию — «Введение в историю и чтение ведомостей»)¹⁰ а также работы различных современных авторов. Что касается России, то в первую очередь источниками Вестфалью служили только что появившиеся на немецком языке «Das veränderte Russland» Христиана Фридриха Вебера (1721) и «The State of Russia under the present czar» Джона Перри (1716). Судя по программе лекций, Вестфаль рассматривал среди других следующие важнейшие из касающихся России вопросов.

1722 год: «О нынешнем царе Петре», «Что по своему происхождению означает слово царь и происходит ли оно от латинского слова „Цезарь“», «О судьбе царевича Алексея, причем рассматриваются такие вопросы: насколько правителю дана власть распоряжаться престолонаследием?.. Имеет ли правитель право жизни и смерти над своим наследником и может ли вынести ему смертный приговор», «Забота царя об усвоении его подданными наук и искусств; при этом надлежит представить, как это получилось, что образованность в России до сих пор была подавлена и там царило сплошное невежество».

⁷ Вестфаль родился в 1685 году в Анкламе, учился в Ростоке, Грайфсвальде, Йене, Галле (между прочим, у Томазиуса), после своего возвращения в Грайфсвальд получил в 1709 году звание магистра, был свидетелем русской оккупации и в 1718 году стал профессором поэзии и элоквиенции, а позднее также этики и истории. Он подготовил ряд историков и филологов, которые затем получили известность. Умер Вестфаль в 1747 году. См.: «Allgemeine deutsche Biographie», 1896, Bd. 42, стр. 196 и след.

⁸ В Грайфсвальдском университете существовала традиция рассматривать современность исторически. Например, проф. Маттиас Лобетанц читал в 1702 году историю библиотек. См.: J. G. L. Kosegarten. Geschichte der Universität Greifswald, 1857, Bd. I, стр. 282.

⁹ См.: Andreae Westphalii. Erste Probe historischer, genealogischer, geographischer, politischer, ingleichen zu dem juri publico und der Literatur gehörigen Reflexionen..., 1722, стр. 3. Эти, как и последующие «Опыты», — своего рода печатные программы лекций.

¹⁰ См. программу лекций 1734 года, где на стр. 4 упоминаются также петербургские «Еженедельные ведомости».

1723 год: «Об Академии, недавно учрежденной в Москве», «Описание города Петербурга», «Горное дело в России», «Известие об Астрахани и Сибири».

1724 год: «Описание города Москвы», «Недавно предпринятая царем реформа русской церкви; при этом представить общее состояние религии в этом государстве и сколь милостиво царь проявил себя к протестантам, особенно к лютеранам».

1726 год (т. е. после смерти Петра I): «О русских историках», «Свойства русской нации», «О русских купцах», «О русской юфти как удивительном мастерстве этой нации», «Размышления о русском гербе и его происхождении», «Жизнь царя Петра, умершего в 1725 году», «Известие о нынешней царице России Екатерине и ее происхождении».¹¹

В 1724 году Вестфаль опубликовал латинское рассуждение под названием «De Statu rei litterariae praesenti in Europa», в котором 11-я глава посвящена состоянию образования в России. Подробно он останавливается только на московской гимназии, на «Theatrum anatomicum» Бидлоо, голландской типографии Копиевича,¹² основании Петербургской академии,¹³ а также на устройстве петербургской библиотеки и Кунсткамеры. На всем этом отрывке лежит печать гордости за то, что ныне и Россия стала «престолом муз».¹⁴

На этом можно закончить рассмотрение трудов Вестфалья. Хотя он ничего собственно не добавил к сведениям, содержащимся в реляциях, ведомостях и других источниках, он все же умел с истинно просветительской добросовестностью дать учащемуся юношеству Грайфсвальда живую картину петровской России. Эта заслуга должна обеспечить ему почетное упоминание среди немецких знатоков России в начале XVIII века.

¹¹ См.: Andreae Westphalii. Vierte Probe historischer... 1726.

¹² Следуя Веберу (Das veränderte Russland. Frankfurth, 1721, стр. 223 и след.), Вестфаль из русских изданий называет «Введение во всякую историю» Пуфендорфа, «Разговор в 40 главах» Эразма Роттердамского, «Orbis pictus» Коменского и «Истинное христианство» Арндта. Последнее было напечатано только в 1735 году в Галле, но рукописные переводы существовали и ранее [см. у Винтера на стр. 231 (наше прим. 1)].

¹³ Подразумевается, видимо, указ Петра I от января 1724 года (см.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862, стр. 59).

¹⁴ Очень поучительно проследить по современным источникам, как в самой петровской эпохе рождалась та идеология, которая до сих пор занимает историков литературы, так называемая Санкт-Петербургская концепция. См. об этом: Д. С. Лихачев. Об итогах и задачах изучения русской литературы XI—XVII веков. В кн.: Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 годы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 4.